

А. А. КИЗЕВЕТТЕР

Реформа Петра Великого в сознании русского общества

Когда французский историк берется решать вопрос об исторических начатках современной Франции, он не колеблется в выборе исходной точки своих исследований и обращается к изучению Великой Французской революции в твердой уверенности найти именно здесь, на этом глубоком рубеже между двумя последовательными эрами западно-европейской истории, могилу старой и колыбель новой Франции. Для него это — великий центральный пункт исторического процесса, с которого всего легче бросать как проспективные, так и ретроспективные взгляды на непрерывное течение событий, с которого всего легче поэтому подойти к уразумению и общего хода народной истории в ее целом.

Какую позицию изберет русский историк, задавшись аналогичной целью: исследовать исторические начатки современной России?

Мотивированный ответ на этот вопрос мог бы составить предмет самостоятельного очерка. Но теперь нас интересуют не будущие, а бывшие русские историки. Вопрос, поставленный нами, далеко не нов для русской литературы. Он уже имеет свою весьма поучительную историю.

Долгое время репутация такого центрального пункта пережитого нами исторического процесса безраздельно признавалась за реформой Петра Великого. В ней видели грандиозный исторический катаклизм, который за раз и подвел окончательные счета старой «московской» истории и могущественно предопределил весь дальнейший ход нашей исторической жизни. Вот почему рассмотрение сущности петровской реформы и оцен-

ка ее значения долгое время служили самой притягательной темой текущей исторической литературы, вот почему именно к разработке этой темы приурочивались наиболее поучительные обобщающие выводы относительно общего течения русской исторической жизни. Вопрос о реформе Петра быстро разрастался и усложнялся под пером исследователей. Вместе с тем с дальнейшим развитием этой литературы все более стушевывались и тускнели в сознании общества и сам Петр как конкретное историческое лицо, и его реформа как реальный исторический факт. Имя первого русского императора приобретало чисто символический смысл. Что только не подкладывалось в разное время под это всеобъемлющее имя? Общеευропейская, даже общечеловеческая культура, торжество государственной идеи, могущественное значение науки и знания в народной жизни, просвещенный абсолютизм, революционная ломка исторических традиций, измена национальному духу, обезличение народности, разрыв государства и земли — все это и многое другое — до пришествия антихриста включительно, — не раз покрывалось краткой и энергической формулой: Петр. Вот какие разнообразные элементы вплетались постепенно в существо петровского вопроса. Каждое поколение, каждая общественная группа вносила свою самостоятельную ноту в его обсуждение, оплодотворяя все новым и новым материалом его дальнейшую разработку. Правда, многие из прежних построений рухнули безвозвратно, когда при свете научного анализа исторических источников, столь долго лежавших под спудом в самый разгар полемики, перед нами отчетливее выступили очертания подлинной исторической фигуры Петра и яснее обозначился смысл совершенных им преобразований. Но эти позднейшие открытия, подорвав *научное значение* предшествующей литературы во многих ее выводах, нисколько не разрушили ее *исторического интереса*. История петровского вопроса важна и поучительна для нас не менее истории петровского царствования. Литература вопроса с необыкновенной эластичностью отразила на его различных постановках разнообразнейшие повороты общественной жизни, разнообразнейшие течения общественной мысли. Мы намерены предложить вниманию читателей краткий обзор различных фазисов этого вопроса. В нашей литературе есть работа, посвященная тому же предмету, мы разумеем статью г. Шмурло «Петр В<еликий> в русской литературе» *. Сопоставив разновремен-

* «Журн<ал> Мин<истерства> нар<одного> просвещ<ения>» за 1889 г. и отдельно.

высказанные взгляды на реформу и ее значение, автор слишком скупое освещает те явления научной и общественной жизни, на почве которых эти взгляды выросли. Пользуясь отчасти материалом, собранным г. Шмурло, мы пытаемся восполнить указанный пробел его работы *.

I

Петровский вопрос завещан нашему веку еще XVIII столетием. Еще при жизни Петра он уже был поставлен ребром и тотчас же разделил тогдашнее общество на два непримиримо-враждебные лагеря. И вот что любопытно: постановка вопроса сразу приняла свои наиболее характерные черты. Противники далеко и резко разошлись в оценке реформы, исходя из полного согласия в ее *понимании*. Лишь только Петр окончательно взял в свои руки руль государственного корабля и дал почувствовать обществу существо своего политического «курса», к подножию трона тотчас понеслись и дифирамбы, и проклятия. «Единые вашими неусыпными трудами и руководством мы, ваши верные подданные из тьмы неведения на театр славы всего света и тако реши из *небытия в бытие* произведены и в общество политических народов присовокуплены» — так ораторствовал канцлер Головкин, поднося Петру императорский титул от лица Сената по случаю заключения Ништадтского мира **. «Сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими, научил узнавать, что и мы люди, одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут», — так писал в своих интимных мемуарах, не предназначавшихся для публичного прочтения, один из птенцов петровского царствования, Неплюев, под свежим впечатлением только что пережитой преобразовательной эпохи ***. Торжественная официальная речь и интимное излияние чувства скромного мемуариста поразительно совпадают друг с другом в понимании и оценке петровской реформы. Очевидно, мы имеем

* Не можем не указать и на другую слабую сторону названной работы: собирая воедино различные суждения о петровской реформе, автор нигде не разграничивает субъективных настроений единичных личностей от типичных воззрений целых поколений или целых общественных групп. В дальнейшем изложении мы будем иметь дело только с последними.

** П<олное> собр<ание> зак<онов>. VI. № 3845.

*** Записки Ив. Ив. Неплюева. СПб., 1893. С. 22.

здесь дело со сложившимся воззрением целой общественной группы сторонников реформы. Фигура Петра принимает в этом воззрении поистине героические очертания. Это — богатырь, одним личным усилием впервые двинувший громадную страну на путь совершенствования. Однако прислушаемся к другим голосам современников и мы скоро различим в панегирическом хоре резкие диссонансы. «Государь разрушает веру христианскую, велит бороды брить, платье носить немецкое, табак тянуть...» «Как его Бог на царство послал, так и светлых дней не видали, рубли, да полтины, да, подводы, отдыху нашей братьи, крестьянству нет...» «Какой-де он государь, он крестьян разорил с домами, мужей наших побрал в солдаты, а нас с детьми осиротил и заставил плакать век...» * Вот красноречивые отголоски негодующего ропота противников реформы, сохраненные от забвения документами Преображенского приказа. Общество жаловалось на поругание старых обычаев, низшая масса прибавляла к этим жалобам горький плач на непомерную тяжесть общенародных жертв на текущие государственные нужды. В этих жалобах и обличениях мы встречаем, однако, одну общую ноту с панегириками ревностных сторонников Петра: здесь, как и в противоположном лагере, все приурочивается к личности Петра, его, на этот раз злая, воля рассматривается как единственный источник всех переживаемых бед.

Россия переживает резкий перелом в своем развитии, единственная творящая сила этого перелома, животворного в глазах одних, губительного в глазах других — личная воля Петра: такова исходная точка всех дальнейших заключений современников петровской эпохи. Этой точке зрения на источник реформы необыкновенно посчастливилось. Она надолго пережила своих первоначальных адептов, превратившись с течением времени в общепризнанную традицию. Мы знаем теперь, как она далека от подлинной исторической действительности. Мы знаем, что преобразовательная программа Петра отнюдь не имела характера исторического экспромта, она уже обращалась во всех своих существенных чертах в сознании передовых слоев московского общества задолго до начала петровского царствования, подсказанная неотразимыми запросами жизни, неотложными государственными нуждами. Мало того, правительство еще до Петра вступило уже на путь практического осуществления намеченных преобразовательных начал. Петровская реформа представила собой блестящее *завершение* этого преобразовательного про-

* Соловьев. История России. Т. XV.

цесса, непосредственно примыкая, таким образом, к предшествующему периоду нашей истории и отнюдь не являясь внезапной революционной ломкой московской старины.

Все эти выводы составляют в настоящее время прочное приобретение русской исторической науки. Вот почему для нас особенно интересно проследить зарождение и развитие противоположного взгляда, столь долго державшего под своим обаянием как горячих сторонников, так и непримиримых врагов Петра или, вернее, тех принципов, которые в нем символизировались.

Целый ряд разнообразнейших мотивов попеременно поддерживал в течение полутора столетий живучесть этого традиционного взгляда на реформу Петра, как на внезапный исторический катаклизм. Уже сами современники реформы находились в этом отношении под сильным перекрестным влиянием различных факторов.

Прежде всего здесь действовало непосредственное обаяние выдающейся личности Преобразователя. Нам нетрудно теперь спокойно заниматься оценкой его качеств и деяний. Перед нами одни пожелтевшие от времени исторические документы, которые, хотя и дышат жизнью, но уже не имеют никакой власти над нашей личной судьбой. Современники Петра находились в другом положении. Они переживали на собственных нервах водоворот быстро мелькавших событий. Они являлись зараз и оценщиками правительственной деятельности, и заинтересованной стороной, для которой как раз и предназначались и розы, и тернии вновь создаваемого порядка. Немудрено, что их суд диктовался гораздо более чувством, чем анализирующей мыслью. Изобильные царские указы то и дело ставили ребром важнейшие государственные вопросы. Каждый из них тотчас задевал целую вереницу давно привычных интересов.

Среди этой стремительной преобразовательной горячки, в этом тревожном существовании от толчка до толчка, от указа до указа людям некогда было вникать в основную сущность преобразовательных мероприятий, мысленно обращаться назад и там, в прошлом, разыскивать исторические корни волновавших их новых явлений. Они едва успевали освоиться с одной внешней оболочкой этих явлений, с тем, что непосредственно било в глаза новизной формы, стремительностью принудительного распространения. Вот почему им не могло быть доступно понимание исторической подготовки реформы. Между тем перед ними стояла крупная фигура преобразователя, его изумительно энергическая деятельность, крутая и непреклонная воля, сосредоточенная в его руках громадная власть — все это могущественно

приковывало общее внимание к центральной личности Петра. Было и другое условие, способствовавшее укоренению подобного взгляда на реформу как на внезапную революцию. Чтобы понять истинный характер политических воззрений и симпатий людей того времени, необходимо принять во внимание двигавшие ими практические интересы. Железная диктатура Петра не благоприятствовала развитию взаимного трения внутренних партий. Тем не менее эти партии существовали, и элементы будущей борьбы быстро формировались. Условия текущего исторического момента придавили, но не затушили самостоятельных притязаний общественных групп и, может быть, принудительная сдавленность их взаимного раздражения только еще более обостряла это раздражение... Реформаторская деятельность Петра вызвала на поверхность государственной жизни новые общественные элементы. Это произвело крупную метаморфозу в рядах тогдашнего правящего класса. У ступеней трона стали новые люди, группа «петровских птенцов», связанная единством служебной карьеры. Крайне несложная карьера... она вся исчерпывается одним неожиданным и стремительным скачком из безнадежного мрака неизвестности прямо к ступеням трона. Все это — люди, взятые от гноища, как сказал бы Иван Грозный. Их сказочное превращение в крупнейших вельмож государства имело общий источник: так захотел Петр. Потомки старинных фамилий должны были встретить их неожиданное возвышение с недоумением и затаенной брезгливостью. Демократическая струя, ворвавшаяся вместе с реформой в верхние общественные слои, опрокинула все заветы родовитого боярства, выросшие на долголетней исторической привычке к пропорциональности служебного старшинства с отеческой честью... Так стали лицом друг к другу обломки родовитой знати и группа ближайших сотрудников Петра — детище преобразовательной эпохи. Им предстояла впереди сложная и ожесточенная борьба за политическое первенство.

Вот почва, на которой возник и обострился петровский вопрос в царствование Петра. Поклонники старины и приверженцы преобразований народились не при Петре, то была уже старая междоусобица русских умов, начавшая обозначаться приблизительно с половины XVII столетия. Но теперь старые враги как бы позабыли хронологию своей борьбы. Петровские птенцы отождествили внезапность своего личного возвышения с ходом подготовки того дела, к которому они были приставлены. *Для них*, для их личной карьеры Петр действительно был единственным творцом, приводившим «из небытия к бытию». Им естественно

было взглянуть и на всю реформу как на внезапный переворот, как на неожиданную зарю новой эры, а себя самих совершенно искренно признать пионерами новых идей. Старые бояре, столь же искренно заблуждаясь, сочли начальным моментом своей политической смерти тот день, когда Петр, вернувшись из заграничного путешествия, впервые тронул ножницами их пушистые бороды. Несколько десятилетий они смотрели спокойно на совершавшуюся кругом настойчивую перестройку старого порядка, мало того, они сами принимали участие в этой перестройке и еще совсем не задолго до воцарения Петра собственноручно похоронили местничество. Теперь они восторжествовали, вдруг поняв и почувствовав, что обломки старого порядка будут их собственной могилой. Они не рассчитывали на подобный исход и отказались признать в реформаторской деятельности Петра непосредственное продолжение собственных опытов и проектов. Отмеченная социальная подкладка петровского вопроса в царствование Петра, может быть, всего менее отчетливо сознавалась самими современниками, тем не менее именно она вдохнула настоящую жизненную силу в развитие этого вопроса, создав из теоретических сторонников и противников реформы два крепко сплоченные лагеря.

II

Со смертью Петра они вступили в открытую борьбу и померялись силами. Первая половина XVIII столетия полна знаменательных и тревожных событий, создавших как нельзя более благоприятную почву для дальнейшего обострения петровского вопроса. В шумных перипетиях поднявшейся партийной борьбы нельзя не видеть непосредственных следствий предшествующей перестройки общественных отношений. Общественные элементы, вызванные к жизни реформой, стремятся укрепить за собой занятую позицию, и по смерти преобразователя старобоярская партия спешит воспользоваться этой смертью для восстановления своего упавшего престижа. Практические мотивы, разбиравшие общество на два враждебные лагеря, сохраняют всю свою свежесть. Трудно сказать, кто тут наступал и кто оборонялся. Петровские птенцы крепко держатся тех преимуществ, какие достались на их долю еще в реформационную эпоху: они стремятся сохранить личную близость к трону при разрешении спорного вопроса о престолонаследии и проводят на престол супругу Преобразователя, которая являлась их естественным кан-

дидатом, сама будучи петровским птенцом, волею одного Петра превращенная в Екатерину из никому не ведомой Марты; в их руках высшие государственные учреждения, наконец, они усердно прикармливают гвардию. Но и у противоположной партии были свои серьезные союзники. Для нее открывалась возможность опереться на крупное общественное движение, назревшее к этому времени в среде русского дворянства и направленное на изменение существенных основ заверщенного Петром государственного порядка. Это было стремление к раскрепощению дворянства, к освобождению его от обязательной службы, к превращению «служилых людей», какими еще оставались, в сущности, русские дворяне петровской эпохи, в привилегированный общественный класс, «содержащийся от государства в надлежащем почтении и консидерации». Отмеченное движение скоро приняло весьма внушительные размеры; в нем была одна сторона, которую с успехом могла эксплуатировать старобоярская партия для поражения своих политических противников: конечные цели движения шли совершенно в разрез с принципами петровской реформы, были направлены к ниспровержению созданного Петром порядка. Как известно, старобоярская партия не оказалась на высоте своего положения в руководительстве этим движением. Она слишком резко выставила на первый план эгоистические партийные притязания. Масса отшатнулась от своих вождей, движение пошло вразброд и потерпело в конце концов решительное фиаско. Правда, освободительное движение среди дворянского класса не заглохло, оно снова пробилось наружу, но уже под другим флагом, в иной обстановке и вне всякой связи с притязаниями старобоярской партии. Таков внутренний смысл событий, разыгравшихся по смерти Петра и закончившихся воцарением императрицы Анны ^{*1}.

Мы упомянули об этих событиях, чтобы показать, как сильно должны были влиять на постановку вопроса о петровской реформе во все первое 30-летие XVIII в. те же самые взаимные партийные счета, которые мы отметили при жизни Петра. При Петре притязания этих партий лишь формировались и зрели. Теперь они с обеих сторон открыто были поставлены на карту. Надежды и страхи, торжество успеха и горечь разочарований могли только обострить с обеих сторон у одних — преклонение перед реформой, источником доставшихся им благ, у других — ее враждебную критику. Вместе с тем и с той, и с другой сторо-

* Милуков П. Н. Попытка государственной реформы при воцарении имп. Анны // Сборник в пользу воскресных школ. М., 1894.

ны в сознание общества все глубже внедрялось представление о реформе как о резком кризисе, перевернувшем естественное течение жизни. С воцарением Анны рассмотренная партийная борьба пресекается и глохнет. Самые партии начинают вырождаться. Жизнь выдвигает мало-помалу совершенно новые комбинации общественных элементов. Тем не менее обращающиеся в обществе взгляды на реформу еще долгое время в значительной степени сохраняют отдаленную связь с первоначальной постановкой петровского вопроса. Традиция давно угасших партийных счетов, личных отношений и впечатлений, вынесенных некогда из реформационной эпохи, усердно поддерживается отдельными, долее других пощаженными смертью современниками Петра. Вот, например, характерные слова Неплюева, сказанные им на склоне своей политической карьеры; когда Екатерина дала согласие на его просьбу об отставке под условием указать ей взамен столь же достойного человека, Неплюев заметил: «Нет, государыня, мы — Петра Великого ученики, проведены им сквозь огонь и воду, иначе воспитывались, иначе мыслили и вели себя, а ныне иначе воспитываются, иначе ведут себя и иначе мыслят, и так я не могу ни за кого, ниже за сына своего ручаться» *. Достаточно вслушаться в этот характерный ответ, чтобы тотчас почувствовать, какими красноречивыми носителями старых преданий являлись в это время подобные Неплюеву очевидцы петровской эпохи.

Между тем петровский вопрос постепенно вступал в новый фазис своего развития под влиянием иных факторов, действовавших совершенно независимо от этих отголосков прошлого. С воцарением Анны текущая общественная жизнь подпадает воздействию двух самостоятельных определяющих тенденций. С одной стороны, правящие сферы озабочены пресечением всякой возможности возобновления только что улегшихся брожений. На этой почве вырастает диктатура Бирона с его системой террора. С другой стороны, правительство идет навстречу некоторым притязаниям руководящего общественного класса — дворянства. В правление императрицы Анны мы видим ряд крупных законодательных шагов по пути дворянского раскрепощения, получающего теперь мало-помалу правительственную санкцию. Каждая из этих тенденций внесла свою самостоятельную струю в развитие петровского вопроса.

* Голиков. Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т. XVII. С. 449.

«Бироновщина» страшно тяготила русское общество. Одна, в сущности, случайная и второстепенная черта этой системы чувствовалась наиболее остро: исполнителями системы являлись иностранцы с Бироном во главе. Вот почему «бироновщина» осаждала в сознании общества двойную горечь. К жуткому сознанию необеспеченности и незащитности своего положения присоединялось оскорбленное национальное чувство. Под напором этого чувства сгладились разнообразные оттенки, недавно разделявшие друг от друга различные общественные слои. Из них образовалась мало-помалу одна *национальная*, партия, поставившая своей ближайшей задачей свержение иноземного ига. Воцарение Елизаветы являлось выполнением этой задачи. Елизавета открыто и торжественно развернула знамя национальной политики, прекрасно сознавая, как тесно связан успех ее кандидатуры с общественной реакцией против господства ненавистных иноземцев. Ее воцарение настойчиво выставлялось торжеством национального дела. В ближайшие дни после переворота иностранцы чувствовали себя в осадном положении. Солдаты открыто заявляли теперь свою накипавшую ненависть, причем дело доходило до кровавых сцен, грозивших принять широкие размеры. А в это время в официальном перечислении преступлений осужденного теперь Остермана с ударением указывалось на то, что он «к важным делам, которые до целостности всего государства касались, *в предосуждение всего русского народа* употреблял чужих наций людей, а не российских природных и, будучи в своем министерстве, имея все государственное правление в своих руках, многие славные и древние российские фамилии опровергать и искоренять... а жестокие и неслыханные мучения и экзекуции, как над знатными, так и над не знатыми... в действо производить старался» *.

Во времена господства иноземцев национальная партия, наметив своим кандидатом Елизавету, любила указывать на оскорбительное для русского чувства унижение в ее лице прямого потомства Петра. И при воцарении она была восторженно приветствована как «дщерь Петрова». Так успех Елизаветы, столь желанный в видах освобождения от иноземного господства, естественно совпадает с апофеозом Петра. Это весьма любопытный момент в истории петровского вопроса. Теоретические противники реформы и раньше, и много позже видели в ней измену национальным основам русской жизни. Между тем как раз в то

* *Ешевский*. Очерк царствования Елизаветы Петровны // Сочинения. Т. II.

время, когда имя Петра достигло наибольшей популярности в сознании общества прошлого столетия, когда эта популярность стала наиболее общепризнанной, — Петр был предметом поклонения, как *национальный герой*, его прославляли в противовес его преемникам, отдавшим судьбы родины в чуждые руки. Это поклонение Петру с национальной точки зрения отнюдь не соединялось, однако, с идеализацией допетровской старины. И теперь Петру приписывали внезапный переворот, возродивший Россию, и теперь придворные проповедники с пафосом восклицали: «Петр обрете нас, подобных древу лесному, криву, суковату, дебели, ожелтелу, неотесану, ни на какое дело неудобну, своима рукама в красныя статуи переделал, да еще и не бездушныя... Одна всех повесть, что Россия все свое лучшее состояние Петру должна. Общенародный голос, что у нас то только не худое, что Петрово» *.

Но эти благодетельные перемены никто не думал тогда объявлять изменой родной истории. Нет, их выставляли как разумное удовлетворение назревших *национальных* потребностей. В то же время, начиная с воцарения императрицы Елизаветы, «продолжение Петровых дел» становится официальным лозунгом правительственной политики. Императрица Екатерина всецело воспринимает этот лозунг. Достаточно известно, как любила она называть себя ученицей Петра Великого и как усердно старалась проявить в различных внешних знаках свою духовную близость к великому преобразователю. Эти старания не прошли бесследно. И в литературе, и в обществе Екатерине II нередко присваивали эпитет продолжательницы петровской реформы. Не следует думать, однако, что правительственная политика этого времени действительно усвоила себе «дух» политической системы Петра. Как раз наоборот. Главнейшие акты екатерининского законодательства нанесли окончательный удар остаткам этой системы. Закрепощенная сверху донизу Россия Петра Великого превратилась в Россию привилегированного дворянства и поработанного крестьянства. «Продолжение дел Петровых» — это было лишь официальное общее место, усердно и настойчиво повторяемое ввиду окрепшей национальной популярности первого императора. И вот вся придворная литература — вся эта бесконечная вереница проповедей, громких од, изощренных «надписей» к портретам и статуям усердно занялась теперь прославлени-

* Шмурло Е. Петр Великий в русской литературе // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Июль. С. 69—70.

нием Петра. Декламаторы и пииты быстро мобилизовали все ресурсы ложноклассического стиля. Естественно, они рисовали свои портреты крупными и яркими штрихами. Теперь уже не довольствуются изображением Петра в виде исполина и героя, его уподобляют Богу, творящему из ничего. Правда, вся эта официозная панегирическая литература нисколько не заботилась о доказательствах проводимого ею взгляда. Восклицания, риторические метафоры — вот ее единственные орудия. Тем не менее эта литература сыграла крупную роль в формировании общественных воззрений на эпоху Петра. Она была сильна самой своей стереотипностью, частой повторяемостью своих излюбленных поэтических фигур. Своим непрерывным жужжанием она приучала среднего читателя бессознательно, по привычке усваивать общие места, ходячие взгляды.

Взгляд на Петра как на единственного двигателя культурного роста России получил теперь новую поддержку. Мы видели его первоначальное возникновение среди современников реформационной эпохи: он зародился под непосредственным обаянием личности преобразователя, последовавшая борьба общественных классов еще более обострила его, а борьба дворцовых кандидатур доставила ему с момента воцарения Елизаветы официальное признание. Тогда официозная литература занялась его усердной пропагандой, тем самым доведя его до крайней степени утрировки, благодаря особенностям своих литературных приемов.

Тем не менее это панегирическое направление не могло завоевать себе во вторую половину столетия безусловного признания. С течением времени петровский вопрос все более усложнялся и разветвлялся. Панегирику снова было противопоставлено запальчивое отрицание исторических заслуг Петра, но теперь рядом с этим запальчивым отрицанием уже нарождался мало-помалу и спокойный критический анализ его реформаторской деятельности. Взглянем поочередно на каждое из этих течений.

Отрицание исторических заслуг Петра возродилось опять-таки на почве текущих сословных интересов. Петр довел до наивысшего напряжения старый принцип закрепощения всех общественных классов государственному тяглу. Все силы общества были призваны в той или другой форме к обязательному и пожизненному отправлению различных государственных повинностей. То была крайне изнурительная для общества система, но в ней была одна сторона, которая могла примирить с ней тех, кто был способен возвыситься в то время до ее обобщающей критики. Система покоилась на принципе общественной справедливости.

вости. Ее тяжесть была разложена на все общество сверху донизу без всяких ограничений и изъятий. Со смертью Петра в нашей истории начинается знаменательный процесс постепенного освобождения общества от этого исключительного господства государственного начала. Общественные классы мало-помалу сбрасывают с себя путы закрепощенного состояния, формируясь в свободные, самоуправляющиеся общественные союзы. Этот процесс, начавшийся со второй четверти прошлого столетия, растянулся почти на века, его заключительным звеном следует признать освободительные реформы позапрошлого царствования. На XVIII век пал наиболее болезненный промежуточный фазис этого трудного процесса. Раскрепощение общества началось сверху. Жалованная грамота дворянству 1785 г. подвела уже окончательные итоги дворянской эмансипации. Здесь наступил перерыв. Процесс был задержан совокупностью многочисленных условий. И вот государственный строй утратил на долгое время свою прежнюю симметричность. Свобода верхнего общественного слоя оперлась на закрепощение низшей массы. XVIII век может быть назван эпохой наибольшего развития крепостного права. Сбросив с себя ярмо обязательной ратной службы, превратившись в привилегированных землевладельцев и душевладельцев, получив в свои руки провинциальную администрацию, дворяне привыкали вместе с тем ценить полученные права не как общие начала, регулирующие весь государственный строй, а как односторонние и исключительные привилегии своего сословия. Это и определило характер отрицательного отношения к петровской реформе с сословно-дворянской точки зрения. Средняя дворянская масса простодушно повторяла возгласы придворных певцов, не подозревая никакого противоречия между апофеозом петровской реформы и всеми благами только что полученной «грамоты». Представители сословия, теоретики дворянских привилегий сознательнее относились к историческому прошлому и не замедлили перенести на его оценку свои сословные чувства. Время Петра рисовалось им в мрачном свете принижением дворянской чести, когда благородные дворяне должны были разделять с подлым народом тягости службы. Наиболее характерное выражение этого взгляда встречаем в записках кн. Дашковой: «Совсем не дело Петра было лазить по мачтам и работать с топором на верфях. К чему было посылать знатных людей за границу учиться ремеслам и делать из дворян каких-то садовников, кузнецов, рудокопов? Если нуждались в рабочих руках, то каждый дворянин охотно послал бы за себя трех-четыре человек своей дворни». Отсюда — суровый приго-

вор над всей деятельностью Петра: «Петр был гениален, полон энергии, стремился к улучшению, но у него не хватало воспитания сдерживать свои порывы. Полный насилия, деспотизма, он обращался со всеми, как с рабами... Считать Петра за творца России было бы самым грубым заблуждением, его творение не более, как мнимое» *.

Мы не удивимся столь резкому противоречию этого *дворянского* осуждения реформы с официальной точкой зрения. Оно явилось естественным плодом столь же резкого противоречия между официальной правительственной программой и законодательной практикой того времени. Между двумя этими крайностями во вторую половину столетия выдвигается третье литературное течение, не имевшее ничего общего ни с официальным панегириком, ни с запоздалым дворянским протестом против политики Петра. Оно характеризуется стремлением рассматривать деятельность Петра в известной исторической перспективе, в связи с общим состоянием тогдашней России. Мы встречаем здесь не столько *оценку* реформы с точки зрения каких-либо отвлеченных положений или практических интересов, сколько ее *разъяснение* со стороны современных ей народных нужд и государственных задач. Несомненно, эта новая постановка вопроса знаменовала собой *крупный успех исторической мысли*. Можно сказать даже, что она в значительной степени предвосхищала наиболее прочные результаты позднейшей чисто научной разработки вопроса. Впрочем, пока мы имеем дело лишь с самыми первоначальными зародышами этого плодотворного воззрения. Можно уловить два оттенка в развитии этого направления. В литературе намечаются попытки разъяснить реформу 1) со стороны ее *неизбежности*, поскольку она вытекла из назревших и неотложных нужд жизни, 2) со стороны ее *подготовленности*, поскольку она была признана и разработана предшественниками реформатора.

Первое течение стоит в самой тесной связи с одним из любопытнейших эпизодов нашей общественности прошлого столетия.

Среди разнообразных вопросов, притягивавших к себе пристальное внимание литературы екатерининского времени, одно из первых мест занял уже тогда вопрос о значении и последствиях западного влияния на русскую жизнь. В известных литературных кругах это была излюбленная тема, выяснению которой приписывались, очевидно, первостепенная важность и развитие которой составило очень выпуклую и своеобразную полосу в тог-

* Архив кн. Воронцова. Т. XXI.

дашней литературе. Вопрос был поставлен очень круто и определенно. Полезны ли для России плоды западноевропейских влияний? Уже самая постановка такого вопроса, допускавшая возможность не только положительного, но и отрицательного ответа, является чрезвычайно характерной для прошлого века, эпохи лихорадочного, можно сказать, юношеского увлечения новинками «европейских государств». Но — что еще знаменательнее — на поставленный таким образом вопрос давался ответ, проникнутый духом весьма острой и язвительной критики. Западное влияние разлагалось на составные моменты, затем их сопоставляли между собой, тщательно взвешивая относительную ценность каждого. Светлые черты неизбежно чередовались при этом с темновыми, те и другие смело выставлялись на публичное обсуждение. Это знаменательное литературное течение еще ожидает своего историка, а в ожидании беспристрастной истории его уже окутала легенда, забирающаяся во все темные уголки, которых еще не коснулся свет научного анализа. Писателей этого лагеря (сюда относятся Новиков с его сатирическими журналами, кн. Щербатов, Болтин) склонны считать принципиальными противниками основных начал западно-европейского просвещения, фанатическими приверженцами национальной старины. Их называют иногда предшественниками славянофильства. Ничто не может быть ошибочнее такого воззрения.

Легко угадать, как возникла первоначально эта легенда. *Внешний повод* к ее возникновению дали отчасти сами вышеупомянутые писатели. Расчленив светлые и темные стороны занимавшего их явления, они подробнее и ярче рисовали вторые, чем первые. Это объясняется основной задачей их литературной деятельности: они стремились к искоренению общественных язв, не видя такой же настоятельной необходимости в прославлении общественных добродетелей, — панегиристов и без них было много в тогдашней литературе. Остальное дополнила невольная и вольная близорукость позднейших исследователей. Оригинальная попытка названных писателей критически разобраться в результатах западных влияний слишком резко расходилась с господствовавшим тогда духом рабского копирования внешних черт западно-европейской культуры. Вот почему при беглом взгляде на их литературные творения, легко было зачислить их в безусловных врагов Европы.

Между тем они сами были вскормленниками западного просвещения, не скрывали и не стыдились этого. Читайте Щербатова и Болтина. Вы будете поражены их начитанностью в произведениях лучших европейских писателей, их непосредственной

близостью к первоисточникам западного просвещения. Не вражда к *основам* этого просвещения, а как раз наоборот, сознательное понимание этих основ, высокая оценка их внутреннего содержания внушали им трезвую и злую критику известных сторон тогдашнего русского европеизма. Они восставали не против западного влияния вообще, а против извращенных форм его, губивших благие плоды истинной европеизации. Вот в чем заключалась суть их литературной проповеди. Суждения названных писателей о петровской реформе как нельзя лучше отразили на себе эти исходные принципы их мировоззрения. Мы встретим у них критику отдельных частных этой реформы, но мы напрасно стали бы искать у этих так называемых «предшественников славянофильства» принципиального осуждения реформы в ее целом. Каждый из них с своей точки зрения отмечает отрицательные стороны западного влияния, и все без различия сходятся при этом в высокой оценке исторической роли Петра как зачинщика европеизации России. Сатирические журналы Новикова преследовали главным образом внешний, формальный характер западных заимствований, они вывели перед читателем пеструю галерею карикатурных типов, возникших на почве детского пристрастия к иноземной форме, соединенного с полным пренебрежением к *содержанию* европейского просвещения. Не доказывает ли это, как высоко ценил сатирик того времени именно это содержание? И мог ли предположить он, осмеивая «петиметров» и «кокеток» — обычных жертв своих сатирических стрел — что позднейшие исследователи сочтут это за осмеяние основ европейского просвещения? Нет, преследование петиметров не мешало ему высоко чтить истинную европеизацию России, и вот почему новиковские журналы проникнуты глубоким уважением к духу петровской реформы.

Кн. Щербатов останавливается на другой стороне вопроса. В своем знаменитом трактате «О повреждении нравов в России» * он считает возрастающую порчу нравственности продуктом новой России, противопоставляя ей идиллические картины московской патриархальности. Однако тот же самый кн. Щербатов написал горячую апологию Петра против нападок на его память со стороны обер-прокурора Сената Неклюдова **¹, а в любопытном рассуждении «Примерное времяисчислительное положение, во сколько бы лет при благополучнейших обстоятельствах могла Россия сама собой, без самовластия Петра В. дойти до того

* Русская старина. 1870—1871 гг.

** Чтения Общ<ества> ист<ории> и др<евностей>. 1860. Ч. III.

состояния, в каком она ныне есть, в рассуждении просвещения и славы» * доказывал, что Россия, не будь Петра, только к 1892 г. достигла бы той государственной благоустроенности, в какой ее оставил Петр... Иные находят внутреннее противоречие между этим преклонением перед государственной деятельностью Петра и тем якобы «славянофильским» направлением, которым проникнут трактат о повреждении нравов. Мы не можем согласиться с таким воззрением. Щербатов точно разграничивает в своих рассуждениях различные стороны вопроса. Оплакивая утрату привлекательной, по его мнению, московской нравственности, Щербатов приводит в связь последующую порчу нравов с ростом государства, с осложнением общественной жизни, которое должно было расшатать устои патриархального уклада. Тем не менее, это преобразование государственной жизни и здесь признается такой же исторической заслугой Петра, как и в других сочинениях Щербатова. Петр называется «великим в монархах и человеках, плоды его реформаторских трудов рисуются следующими широкими штрихами: «Россия через труды и попечение сего государя приобрела знаемость в Европе и вес в делах; войска ее стали порядочным образом учреждены, и флоты Белое и Балтийское море покрыли... Науки и художества в ней стали процветать, торговля начала ее обогащать, и преобразовались россияне из бородатых в гладкие, из долгополых в короткополые, и позорища благонравные известны им учинились». Порча нравов признается грустным побочным последствием всех этих осложнений прежнего беспритязательного быта и тем не менее, несмотря на моралистический тон, которым проникнут весь трактат, это последствие не уничтожает в глазах Щербатова всей благодетельности произведенных реформ. На протяжении трактата историк постоянно борется с моралистом. Моралист симпатизирует исчезнувшему патриархальному укладу, но историк признает, что этот уклад был обречен на неизбежную гибель неотвратимым ходом исторической жизни.

Наконец, перед нами Болтин с своим настойчивым протестом против огульного пренебрежения родной стариной.

Вооруженный глубоким знанием русского быта, русской истории, Болтин часто открывает разумные основы в таких явлениях русской жизни, где поверхностное полужнание склонно было усматривать одни смешные нелепицы. Если Новиков и Щербатов рассматривают печальные последствия неумелых заимствований *чужого*, то Болтин занят положительной стороной

* Там же. Ч. I.

того же вопроса, выставляя на вид забытые достоинства *своего*. И при всем том Болтин нисколько не повинен в какой-либо национальной исключительности. Он совершенно далек от мысли, что Россия может без ущерба для своего развития обходиться одним собственным опытом. Болтин — всего менее человек крайностей. Это — уравновешенный, трезвый ум. Он верит в возможность и благодетельность гармонического совмещения туземного и иноземного опыта, не думая, что они могут помешать друг другу. Он и сам лично совместил близкие знания русской действительности с широким изучением иностранной литературы, сумев переработать то и другое в стройное и последовательное миросозерцание. И вот почему, опять-таки нисколько не противореча себе, Болтин посвящает Петру теплые строки, хотя и критикует его отдельные мероприятия. Не видя нужды затушевывать ошибки Петра, Болтин высоко ценит общее значение его просветительной политики.

Мы можем формулировать теперь, как ставился «петровский вопрос» занимавшими нас только что писателями. Петровская реформа была необходима и потому благодетельна, несмотря на отдельные неблагоприятные последствия, косвенно ею обусловленные (кн. Щербатов), и на позднейшие утрировки и извращения здравого принципа сближения с западом (Новиков). Сохранение положительных сторон старого быта нисколько не противоречит сближению с западом, следовательно, реформа Петра, если не во всех частностях, то по своему общему духу явилась весьма благотворным моментом национального развития (Болтин).

В этой постановке много нового. Разработка вопроса впервые переносилась теперь на почву *теоретического* обсуждения. Вместе с этим тотчас же раздвинулись и рамки самой темы. На первый план выдвинулся вопрос о роли западного влияния в русской жизни вообще и о целесообразности реформы с этой точки зрения. Новая постановка вопроса далеко отодвинула исследователей от первоначального представления о реформе как о внезапной катастрофе. Реформа рисовалась теперь неизбежным ответом на повелительные запросы жизни. Образ самого Петра утратил теперь титанический характер; это великий монарх, но без всяких сверхъестественных атрибутов, сын своего времени, понявший великие задачи века, но не чуждый и его заблуждений и пороков. Такова основная мысль другого трактата кн. Щербатова «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра»*,

* Чтения Общ<ества> ист<ории> и др<евностей>. 1860. Кн. I.

где личные недостатки императора объясняются и извиняются уровнем нравственного развития современного ему общества. Так близко подошли названные писатели к новейшим научным построениям! Отсюда совсем уже недалек был переход и к другому выводу: не только отвлеченное сознание в необходимости реформы, но и ее практическое осуществление было исподволь подготовлено еще допетровским обществом. Этого последнего вывода не было сделано в связи с рассмотрением западных заимствований. Но он был сделан тогда же в другой связи, не как частное приложение известного общего взгляда на ход русской истории, а просто как плод хорошей ученой школы и отчасти фактического изучения русских исторических источников. Его высказал академик Миллер в следующих знаменательных выражениях: «На историю Федора можно смотреть как на переход от великих деяний царя Алексея Михайловича к преобразованиям, совершенным Петром Великим... История должна справедливо... заметить, сколь многое уже было приготовлено отцом и братом Петра Великого» *.

Этот «органический» взгляд, конечно, не заключал в себе ничего укоризненного по адресу Петра, ничего, что могло бы вести к умалению его исторической славы. Но общество того времени еще не доросло до настоящего понимания этого чисто научного взгляда. Вот почему он не получил в то время должного обоснования и развития, а между тем им воспользовались враги Петровой памяти с явной целью укоризны. Так, его припилила к своим нападкам на память Петра кн. Дашкова, с рассуждениями которой мы уже познакомились выше.

Таким образом, к концу XVIII в. успели наметиться все основные фазисы петровского вопроса. XIX в. только наполнил новым содержанием старые рамки. Взгляд Миллера, казалось, начерчивал определенную программу дальнейшей разработки вопроса. Он указывал на органическую связь реформы с предшествующими моментами, он давал в руки путеводную нить для дальнейших поисков исторического материала, он переносил вопрос на почву фактического изучения исторической действительности. Оставалось выполнить программу этого изучения, и научное разрешение вопроса было бы обеспечено.

* *Замысловский*. Царствование Федора Алексеевича.

Однако до окончательного торжества этого органического взгляда, до его теоретического признания и до его документального оправдания путем собирания и изучения фактов по петровскому вопросу предстояло пройти еще один крупный и знаменательный фазис. Мы разумеем знаменитую полемику славянофилов и западников.

III

С началом XIX столетия на время гложет прежний оживленный интерес к вопросу о значении петровской реформы. Мы уже не видим в его обсуждении сильной самостоятельной мысли. Литература пробавляется отголосками старых воззрений, причем наибольшее распространение получает самое шаблонное из них: восторженный панегирик. Было бы грубой ошибкой объяснять эту временную задержку в разработке вопроса понижением умственных интересов общества сравнительно с предшествующим временем. Причина была иная: биение общественной мысли, господствующие интересы направились в другую область под давлением текущих событий.

Эксперсы в историческое прошлое отодвинулись на задний план перед практической работой над разрешением неотложных запросов настоящего и ближайшего будущего. «Дней Александровых прекрасное начало», затем эпопея отечественной войны с ее прямыми и косвенными последствиями для русского общественного сознания — все это существенно изменило вкусы и настроения умственной аристократии того времени. Роль мыслителя и исследователя побледнела на время перед ролью общественного деятеля. А между тем наметившаяся тогда практическая общественная деятельность уже не имела той непосредственной связи с людьми и интересами петровской эпохи, как это было в начале прошлого века. На исторической сцене действовали уже новые поколения, новые общественные группы и новые общественные программы. Так прошла первая четверть XIX столетия. 30-е годы представляют новый поворот в смене господствующих общественных течений. Теоретические интересы снова и притом с небывалой раньше силой завладевают вниманием передовых слоев общества. И тотчас же снова становится на первую очередь старый вопрос о ходе и характере нашего национального развития, о значении западных влияний на русскую жизнь и о роли петровской реформы в истории этих влияний. Впрочем,

этот старый вопрос получает теперь всю свежесть самой первой молодости, — так новы источники восстановившегося к нему интереса. Мы видели, на какой точке зрения стояли писатели конца прошлого века, обсуждавшие национальный вопрос. То была чисто утилитарная точка зрения. Что выгоднее для отечественного развития: удержать «свое», ухватиться за «чужое» или искусно совместить то и другое? Вот исходные пункты, от которых они отправляются в своих рассуждениях. Политически мыслитель конца прошлого века смотрел на тот и другой ход народного развития — отстаивание национальных основ или путь иноземных заимствований — как на различные политические программы, различные *приемы* постепенного совершенствования общественной жизни. Вот почему их и можно было критиковать тогда с точки зрения политического искусства, беря за мерило оценки прочность и благодетельность достигаемых ими практических результатов. Новое поколение подошло к той же самой проблеме совсем с другой стороны. Теперь тот или другой ход народного развития стал рассматриваться как внешнее обнаружение известных отвлеченных «начал», управляющих миром, и вот почему коренным образом изменилось мерило их оценки: ценился уже не практический результат данного исторического течения, а внутренний философский смысл лежащего в его основании общего «начала». Итак, исторические построения необходимо предполагают теперь известное *философское* мировоззрение, дающее исследователю руководящую нить при анализе исторических явлений. Вот и источник нового оживления заглухнувшего было петровского вопроса. Это оживление являлось прямым последствием жадного интереса к изучению немецкой философии, которым было захвачено молодое поколение 30-х годов. Изучение философских систем, стремившихся к установлению миропонимания, повлекло за собой самостоятельные попытки применить результаты этого изучения к объяснению того конкретного материала, который представляла русская действительность и русская история. На почве таких-то попыток и сложились две противоположные системы воззрений, разделявшие на два враждебные лагеря передовые круги русского общества 40-х годов: славянофильство и западничество. Обе системы вышли, таким образом, из одного общего источника, из изучения современных им западно-европейских философских течений. Эта общность исходного пункта сильно отпечатлелась затем и на их дальнейших разногласиях, и современный исследователь их ожесточенной борьбы не раз готов признать в этих непримиримых врагах близких союзников.

Мы не намерены излагать здесь развитие славянофильских и западнических воззрений. Нам предстоит лишь отметить, как встал теперь петровский вопрос в связи с общим построением их доктрин.

Окунувшись в изучение современной ей немецкой философии, молодежь 30-х годов сразу попала на очень знаменательный момент в истории западно-европейских философских идей. Начиналась реакция против исключительного господства диалектического метода. Гордые притязания немецких мыслителей вывести законы мировой жизни путем «философской спекуляции», иначе говоря, путем одних логических операций — начинали утрачивать свое прежнее обаяние. Диалектическому методу было противопоставлено непосредственное проникновение в существо живых конкретных явлений, не всегда укладывающихся в рамки логических построений. За этими конкретными явлениями, за подлинными данными жизни признавалось теперь самобытное, самостоятельное существование, независимое от «формального развития разума». Отсюда, силы разума, логические схемы объявлялись совершенно непригодным орудием для познания подлинного жизненного процесса. С этого отрицательного пункта пошло дальнейшее положительное развитие славянофильского учения.

Старому забракованному орудию познания было противопоставлено иное: непосредственное проникновение истинной жизни.

Предстояло сделать выбор, компромисс представлялся невозможным. Этот выбор безусловно предопределял затем весь дальнейший ход просвещения. Так намечались два разнородные русла народного развития, две различные образованности, а господство той или другой образованности в свою очередь неминуемо отпечатлевалось на всем строе жизни, устанавливало два противоположные типа цивилизации. «Одна образованность, — писал родоначальник славянофильства Ив. Киреевский², — есть внутреннее устройство духа силой извещающей в нем истины, другая — формальное развитие разума и внешних познаний... первая только имеет существенное значение для науки, влагая в нее тот или другой смысл, ибо из ее источника вытекают коренные убеждения человека и народов, она определяет порядок их внутреннего и направление их внешнего бытия, *характер их частных, семейных и общественных отношений*, является начальной пружиной их мышления, господствующим звуком их душевных движений, краскою языка, причиной сознательных предпочтений и бессознательных пристрастий, основой нравов

и обычаев, смыслом их истории...», «вторая образованность устроит и развитие наружной стороны мысли и внешних улучшений жизни». Раз так категорично было установлено противоположение этих двух «образованностей» и вытекающих из них двух укладов народного развития, оставалось только поделить их между двумя половинами Европы, объявить первую специфическим продуктом русской национальности, а вторую признать исключительным достоянием запада — и славянофильская доктрина была готова. Россия и Европа — два разнородные мира, ибо каждая из них воплотила в своей истории одно из вышеозначенных начал. Отсюда коренное различие в их государственном развитии. Запад односторонне развил формальную, внешнюю сторону народного быта, принудительную государственную организацию, властно предрешающую ход народной жизни. И древняя Русь, побуждаемая различными внешними потребностями, приняла государственную организацию, что выразилось в призвании варяжских князей, но здесь государство не было признано всеобъемлющей силой, нормирующей все содержание жизни, государственной власти был отведен свой определенный круг деятельности, за пределом которого начиналось господство Земли, Земства. На этом противоположении Государства и Земли строится затем вся дальнейшая славянофильская схема русской истории. Государству — сила власти, Земле — сила мнения. Государство — установитель и страж внешнего порядка, Земля, совокупность свободных народных общин — носительница внутренней нравственной правды, духовных начал народной жизни...

Мы подошли теперь как раз к тому пункту славянофильского учения, с которого открывается во всей ясности славянофильское воззрение на реформу Петра. Допетровская Русь — идиллическая картина мирного согласия Земства и Государства. Граница, разделяющая сферу действия того и другого, свято соблюдается с обеих сторон. Вот почему допетровская Русь представила собою привлекательное зрелище беспрепятственного и всестороннего обнаружения народного духа. Затем вся эта идиллия внезапно исчезает. Государство нарушает неприкосновенность земской самостоятельности, вторгается в области Земли, насильственно устанавливает чуждый духу русской истории «западный» принцип государственного всемогущества. В этом и заключался, по мнению славянофилов, внутренний смысл петровской реформы. «Государство совершает переворот, — так рисует эту реформу славянофильский историк К. Аксаков³, — разрывает союз с землею и подчиняет ее себе, начинает новый

порядок вещей. Оно спешит построить новую столицу, *свою*, не имеющую ничего общего с Россией... Изменяя земле русской, народу, государство изменяет и народности, образуется, по примеру Запада, где наиболее развилась государственность, и вводит подражательность чужим краям, западной Европе...» * В другом месте Аксаков называет реформу Петра «важнейшим из всех переворотов русской истории, ибо он коснулся самых корней родного дерева... Из могучей земли, могучей прежде всего верою и внутренней жизнью, смирением и тишиною, Петр захотел образовать могущество и славу земную, захотел, следовательно, оторвать Русь от родных источников ее жизни, захотел втолкнуть Русь на путь Запада; путь ложный и опасный... Горькое, горькое явление! Бедственное и унижительное» **.

Исторические воззрения западнической партии формируются в прямом противоположении славянофильской схеме. Для кого не были обязательны отправные пункты славянофильского учения, кто был свободен от обаяния проникающего это учение духа, тому легко было заметить в этой схеме с первого же взгляда даже и при тогдашнем состоянии русской исторической науки произвольное игнорирование фактов. Это давало в руки противной партии удобное орудие критики. Но не восстановление подлинных исторических фактов являлось тогда главной пружиной полемики. Боролись за принципы, за основные начала мировоззрения, факты играли служебную роль внешних иллюстраций. Вот почему западники усердно напирали на точное следование фактам в *критической* части своих исторических экскурсов, там, где они ловили промахи и непоследовательности славянофильских исторических построений, и сами тотчас же покидали эту плодотворную почву, лишь только начиналась *положительная*, созидательная часть, где являлись на сцену их собственные идеалы, их собственные пристрастия. Не Петр и не Москва сами по себе занимали их внимание. Дело шло о национальной исключительности и общечеловеческом развитии. Петр и Москва — это лишь условные термины для обозначения названных понятий. Западникам предстояло доказать, что западно-европейская цивилизация — единственно возможная почва для общечеловеческого развития, что европеизация России — первенствующий по своему значению факт нашей истории, лучше всего обнаруживший жизнеспособность русского народа и государства. Все это можно было бы доказать как нельзя лучше,

* Аксаков К. С. Сочинения. М., 1889. Т. I. С. 53.

** Там же. С. 30—31.

проследив постепенный рост европеизации на пространстве всей русской истории и отметив ее последовательные успехи. Но не забудем, что западническое воззрение развивалось в разгар полемики, борьбы. Славянофилы выставили вопрос резко и круто, противопоставив Москву и Петра как символы двух противоположных принципов. Западники приняли вызов и стали возражать в тех же самых терминах. Идиллическая Москва славянофилов превратилась у западников в мертвенное царство безнадежного застоя, без всяких признаков прогресса, без малейших зародышей обновления. Зато Петр снова был провозглашен единственным творцом «России новой». Славянофильскому апофеозу Москвы был противопоставлен западнический апофеоз Петра.

Сопоставим теперь взгляды обеих партий на петровскую реформу.

Какая бездна между нарисованными ими картинами и какая общность во внутренних свойствах их исторического мышления. Для обеих партий европеизация России — результат мгновенной метаморфозы. Петр — ее единственный инициатор и единственный ответчик на суде истории за ее последствия. Как живо воскресают перед нами в такой постановке вопроса идеи самого начала прошлого века! Казалось, полуторавековая разработка вопроса сильно двинула его вперед, оплодотворив его обсуждение необыкновенным богатством новых точек зрения. И вдруг мы неожиданно возвращаемся к самому начальному, исходному пункту его истории. Идеалисты 40-х годов, подведшие под свои исторические выводы внушительный фундамент философского исследования, пришли к тем же самым противоположениям Москвы и Петра, на которых остановились в свое время практические дельцы петровской эпохи! Впрочем, то была лишь кажущаяся связь, за которой скрывалось в сущности глубокое различие. Для одних Петр — реальная личность, непосредственно направляющая их личную судьбу, для других это — отвлеченный символ отвлеченного понятия. Одни видят в Петре единственного творца новой России, благодаря отождествлению роли Петра в своей личной судьбе с его ролью в историческом ходе народной жизни; другие приходят к тому же выводу вследствие обратной крайности, вследствие полного игнорирования живых отношений петровской эпохи. И те, и другие не могут разглядеть с полной ясностью *исторического* Петра: одни стоят к нему слишком близко, другие смотрят слишком издалека, плохо различая с высот своего философского мышления ин-

дивидуальные черты исторических явлений. Из этого различия вытекали весьма знаменательные последствия.

В начале прошлого века взгляд на реформу как на революцию стоял незыблемо, это был выстраданный вывод, вошедший в плоть и кровь современников как непосредственный итог личной жизни, а не как логическая выкладка. Теперь, в середине XIX столетия, это была лишь частная фактическая иллюстрация, которая ценилась не столько сама по себе, сколько в качестве опыта наглядного применения к историческому материалу основных положений того или другого мировоззрения.

За этот взгляд уже не будут цепляться во что бы то ни стало, им даже совсем перестанут дорожить, лишь только станет ясным, что отказ от него не повлечет за собой крушения целого мировоззрения. Так и случилось на самом деле. Представители обеих партий, не отказываясь от своих мировоззрений, скоро приступили к перестройке прежней исторической аргументации. Хомяков, один из главных вождей славянофильства, целиком принимая аксаковский дуализм земли и государства, видит в петровской реформе уже не первоисточник, а лишь *эпизод* их многовековой взаимной борьбы. Эта борьба проходит для него непрерывной красной нитью через всю русскую историю. Он не знает эпохи мирного сосуществования этих двух противоположных начал. Итак, петровская реформа уже не катаклизм, а одно из последовательных звеньев векового исторического процесса.

Западникам еще легче было отказаться от первоначального взгляда на реформу как на внезапный переворот. Этот взгляд вырос у них на почве текущей полемики с крайностями славянофильской идеализации русской старины. На самом деле он не только не вытекал из сущности их мировоззрения, но, наоборот, противоречил как основам этого мировоззрения, так и их общей оценке самой петровской реформы. В самом деле, если реформа Петра рассматривалась как доказательство жизнеспособности русского народа, как обнаружение заложенных в нем задатков общечеловеческого развития, то не означало ли это в то же время, что реформа имела свои исторические корни в самом русском прошлом, исподволь подготовившем почву для европеизации России? Мы не удивимся поэтому, что основоположники нового взгляда на реформу, как на плод органического развития русской жизни, вышли из рядов западнической партии. Мы разумеем Кавелина и Соловьева. Так философская школа не прошла даром для исследователей русской жизни. Полемика славянофилов и западников, на первый взгляд обновившая старое

понимание реформы, на самом деле косвенно подготовила переход к новому, истинно научному воззрению.

Мы только что назвали имена писателей, которым принадлежит почин в новой, чисто научной постановке «петровского» вопроса.

В своей известной статье «Взгляд на юридический быт древней России», появившейся в 1847 г. в «Современнике», Кавелин изложил свою формулу русского исторического развития. Содержание всей нашей истории сводилось здесь к постепенному росту значения и самостоятельности *личности* в общественной и государственной жизни, путем последовательного разложения первоначального родового строя. Ход нашего исторического развития обуславливался непрерывной борьбой ветшающего родового уклада с крепнущим государством, борьбой, во время которой отдельная личность эмансипируется от пут родовой опеки, становится в непосредственные отношения к государству и тем выигрывает в своей самостоятельности. Этот процесс проходит чрез всю нашу историю, отражается в каждом ее эпизоде. Можно заметить, что кавелинская формула слишком суживает содержание нашего исторического развития, слишком круто подгоняет многообразие жизни под рамки одного процесса, но нельзя не признать, что она вносит смысл и стройность в хаос исторических фактов, стремится вскрыть общий закон исторического развития. На почве этой формулы Кавелин устанавливает свой взгляд и на петровскую реформу как на один из последовательных эпизодов многовековой эволюции. Кавелин всю жизнь остался верен такому взгляду на реформу Петра. Вот что писал он уже в 1882 г., за три года до смерти, в «Вестнике Европы»: «Мысль, будто реформа Петра и петровский период представляют какой-то перелом в русской жизни, неожиданный, беспричинный, как будто с неба упавший, — ни на чем не основана.... Взгляд на Петра Великого как на какого-то чуть-чуть не Робеспьера⁴ также обличает глубокое непонимание русской истории, как и упреки в том, что он был антихрист, заклятый иностранец и нестерпимый тиран».

Ученые разыскания Соловьева блистательно подтвердили воззрения Кавелина. В том же самом году, когда появилась статья Кавелина, Соловьев защищал свою диссертацию «История отношений между князьями Рюрикова дома». В своей речи на диспуте он сказал, между прочим: «До сих пор заботились осо-

бенно о том, как *разделить* русскую историю; теперь надо стараться напротив, *соединить* ее части в одно целое, связать раздробленное и неправильно противопоставленное, *надо воссоздать органический ход истории*, и он сам отметит деления естественные и необходимые». В 1851 г. вышел первый том монументальной «Истории России» Соловьева. Здесь во введении были воспроизведены те же воззрения. Существенной задачей историка поставлялось определение связи между явлениями, открытие *законов*, движущих событиями. Кто знаком хотя несколько с «Историей» Соловьева, тот заметил, конечно, как часто отражается на его изложении это стремление объяснить исторические явления внутренними причинами закономерного развития. Напомню несколько наиболее ярких примеров. Взаимные отношения древнерусских князей, представлявшиеся некогда хаосом исторических фактов, действиями голого произвола, Соловьев старается объяснить счетами родового старшинства, вытекающими из общих условий родового быта. Возвышение Московского княжества он объясняет рядом внутренних условий: ходом колонизации, географическим положением Москвы, строем удельных обществ, лишенных согласия и единства и, быть может даже с некоторой излишней последовательностью, совершенно отвергает внешнее влияние монгольского права, на котором настаивали некоторые исследователи. Деятельность Ивана Грозного освещается у Соловьева как результат общего хода отношений между государями и боярством и помимо психопатических черт личного характера царя. После всех этих примеров для нас уже не будет неожиданностью, что и в реформе Петра Соловьев усматривает естественный итог предшествующего развития. Это объяснение отнюдь не голословно у Соловьева. Оно подтверждено детальным изображением русской жизни накануне реформы Петра.

Взглядам Кавелина и Соловьева принадлежала будущность. Они нашли себе двойную опору. Прежде всего они получили могущественную поддержку в приложении к историческому исследованию развития в жизни природы, человека и человеческого общежития, идея непрерывной преемственности сменяющихся жизненных форм, давшая такой внушительный толчок развитию науки вообще, не прошла бесследно и для судеб науки исторической. Все обновилось теперь: и постановка научных задач, и самые методы исследования. Весь интерес исторического

изучения падал теперь уже не на то, чтобы ссылками на историю подтвердить излюбленный афоризм, а лишь на то, чтобы вскрыть последовательную преемственность в историческом ходе народной жизни. Исходная точка новой школы не предreshала выводов, а устанавливала только надежный метод их выведения. В результате неминуемо должна была последовать полная перестройка исторических понятий. Вместе с тем совершенно иначе осветились в глазах исследователей и так называемые ранее «переходные эпохи». Историк уже не мирился с возможностью внезапных переломов в народном развитии. Историк вникал глубже в сущность явления и там, где до него видели скачок, он открывал в конце концов ту же непрерывную преемственность жизненных форм. В литературе последнего времени заметно оживилось обсуждение теоретических вопросов исторической науки. Спорят о взаимоотношении различных сторон исторического процесса, о значении личности в истории, о методах исторического исследования. Эти теоретические споры, несомненно, отразятся так или иначе на дальнейшей разработке исторического материала. Весьма возможно, что они отложат свой след и на принципиальной постановке петровского вопроса: мы видели уже, как сильно изменялся и усложнялся этот вопрос, в зависимости от смены общественных идеалов и научных систем. Тем не менее мы уже не можем ожидать в дальнейшем развитии вопроса прежних скачков и зигзагов. Выводы Кавелина и Соловьева смело могут быть признаны прочным достоянием науки. Помимо теоретических построений они нашли себе и другую надежную опору: в фактическом изучении реформационной эпохи. Эта последняя задача была выполнена мало-помалу во вторую половину XIX века. Ряд специальных изысканий вскрыл из-под спуда массу нового исторического материала. Стали разбираться в этом материале, восстанавливая документально подлинные очертания реформы. С каждым новым шагом в этом направлении все яснее и отчетливее вставала перед глазами исследователей *историческая подготовка* реформы. Эта плодотворная ученая работа, продолжающаяся и в наши дни, окончательно заровняла пропасть, которая отделяла некогда в сознании историков старую и новую Россию.

Программа, намеченная Милером, теперь исполнена: история показала, «сколь много было подготовлено отцом и братом Петра Великого». Мы знаем теперь, что реформа Петра, вопреки вековому предрассудку, почти целиком была заведена XVIII столетию концом XVII века. История не отняла у Петра этим открытием титула Великого. Правда, мы уже не можем признать в

появлении Петра и совершенном им подвиге «исторического чуда», приведения России «из небытия в бытие». Для нас Петр не полумифический герой со сверхъестественными силами и свойствами. Но современная историческая наука отвергает саму возможность таких чудес и таких героев. Она не признает этих черт ни за одним историческим деятелем. Зато мы видим в Петре великого государя, который понял назревшие запросы своего времени, пошел навстречу к их разрешению, не тормозил, но усердно вызывал к жизни обозначившиеся в тогдашнем обществе активные силы.

Он работал не одиноко и не в пустом пространстве, но он стал впереди прогрессивного течения своего века. Теория закономерного хода народной жизни в применении к петровской реформе ничем не угрожает исторической памяти Петра Великого.

